

УДК 340.15

DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-173-177

Институт договора товарищества в римском частном праве**Кобчикова Е.В.**

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Макаров Т.Г.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
Казанского (Приволжского) федерального университета,
доцент кафедры гражданского права Казанского филиала
Российского государственного университета правосудия
имени В.М. Лебедева

*Положения об обязательствах и договорах являются такими институтами римского частного права, которые особенно сильно повлияли на современное гражданское право. В статье подробно рассмотрены происхождение и развитие института *contractus societatis*, т.е. договора товарищества. Данный договор присутствует и в современном российском гражданском законодательстве. В связи с этим исследование института договора товарищества в римском частном праве представляется актуальным.*

*Целью данного исследования является формирование комплексного научного представления о происхождении и развитии института *contractus societatis*, т.е. договора товарищества, в римском частном праве. Задачей исследования является рассмотрение различных разновидностей института *contractus societatis*, таких как *societas unius rei*, при которой имущество участников было строго обособлено и общей собственностью не возникало, а также *contractus societatis negotiationis*, при которой имущество становилось общей собственностью товарищей с момента его приобретения.*

Научная значимость исследования заключается в выявлении основных характеристик института договора товарищества, подробно урегулированного по самым разнообразным аспектам к моменту кодификации Юстиниана.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов в вопросах изучения римского частного права. Научная новизна исследования состоит в сформированном авторами комплексном научном представлении о происхождении и развитии института договора товарищества.

Ключевые слова: договор товарищества, римское частное право, кодификация Юстиниана, имущество товарищей, общая собственность

Для цитирования: Кобчикова Е.В., Макаров Т.Г. Институт договора товарищества в римском частном праве // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 173–177. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-173-177.

Римское обязательственное право содержало в себе достаточное количество договоров, подавляющее большинство которых вошло в гражданское законодательство современных стран и прежде всего стран континентальной правовой семьи. То же самое можно сказать и о договоре товарищества. Кроме того, именно договор товарищества претерпел наименьшие изменения со времен его закрепления в Кодификации Юстиниана и до наших дней. В связи с этим соображением авторы данной статьи решили обратиться к этой договорной конструкции, проследив в том числе и ее постепенное развитие и обозначив ее окончательное формирование в Кодификации Юстиниана.

Хотя институт договора товарищества (*contractus societas*) известен был еще с достаточно ранних времен, его развитие можно проследить лишь отчасти вследствие фрагментарности источников. Из результата деятельности кодификационной комиссии Юстиниана можно извлечь лишь разбросанные отрывки касательно данного института.

В императорский период уже существовали различные формы хозяйственных объединений, в т.ч. и товарищества. С этого периода можно проследить достаточно крупные ассоциации для различных промышленных целей. В законодательстве Юстиниана вследствие бурного роста экономической активности товарищество уже существует как устоявшийся институт, а устаревшие первичные его формы практически в данной кодификации не отражаются.

Причиной, побудившей лиц объединяться в товарищество, является то обстоятельство, что для достижения определенной экономической цели ресурсов отдельного участника недостаточно. Речь идет прежде всего о ресурсах материальных. Поставленная цель может быть достигнута только на объединенные средства. Объединения такого рода обычно носили характер долгосрочный и постоянный, но самостоятельного субъекта права не возникало. И.А. Покровский справедливо указывал, что *societas* (товарищество) произошло от *consortium* (соглашения), т.е. соглашения между братьями после смерти их отца не разделяться и продолжать вести хозяйство сообща. Это происхождение отражается и в позднейшем праве в том, что вообще отношения между *socii* (товарищами) носят на себе печать особо *fraternitas* (братства) [1, с. 542].

Кроме того, изначально и торговые товарищества Рима были основаны на родственных узах, т.е. были семейными союзами и чаще всего их участниками были сонаследники. Данный тип полного товарищества (*societas omnium bonorum*) включал в себя все семейное имущество, и, возможно, именно он и породил прочие разновидности товариществ. С другой стороны, *societas omnium bonorum* в подавляющем большинстве случаев имел место между ближайшими родственниками и только в исключительных случаях между посторонними лицами.

Уже в императорский период усиливается имущественная самостоятельность *filli familias* (в данном контексте – подвластные), в связи с чем наследство, полученное от отца, уже перестает быть единственным имуществом детей. Поэтому *societas omnium bonorum* встречается уже значительно реже, хотя окончательно и не исчезает.

Со временем, когда хозяйственная жизнь римского общества усложнилась, появляются *societas unius negotiationis* (товарищество, созданное для одной какой-либо деятельности) и *societas unius rei* (товарищество, созданное для одного конкретного дела), когда «стороны предусматривали по договору долю участия каждого из компаньонов, и товарищи обязывались сделать указанное имущество общей собственностью (*pro quota*)» [2, с. 423]. Таким образом, при объединении лиц в *societas* предполагалась передача личного имущества в общую собственность.

Возникшее раньше *societas unius rei* всегда имело временный характер. Такое товарищество преследовало цель – заключение только одной сделки. Имущество участников было строго обособлено, общей собственности здесь не возникало. Как правило, целью товарищества было приобретение какой-либо вещи, и тот из участников, который, как представитель других, приобретал имущество, становился и его собственником. Впоследствии другие товарищи могли требовать передачи этого имущества в общую собственность [3, с. 53; 4, с. 508].

Такие же правила действовали и в случае отчуждения в интересах товарищества вещи, принадлежащей кому-либо из участников. Такая вещь до момента продажи остается в собственности предоставившего ее участника. Другие участники имеют право на распределение прибыли, полученной от продажи вещи [3, с. 44; 4, с. 555]. Таким образом, имущество участников *contractus societas unius rei* оставалось строго обособленным, а их самих связывали строго обязательственные отношения.

Впоследствии возникает другая разновидность *contractus societas* – *contractus societas negotiationis*. Здесь имущество становилось общей собственностью товарищей с момента его приобретения [3, с. 28; 4, с. 524]. Причем общая собственность возникает здесь сразу на основании заключенного договора товарищества. Такое имущество, находившееся в общей собственности, являлось предметом различных сделок (*negotiationis*). Вещь могла как приносить прибыль в пользу товарищества, так и требовать расходов на нее. Таким образом, складывался один общий интерес, находящийся вне сферы интересов отдельных участников. То же самое можно было наблюдать, когда товарищи путем внесения взносов составляли капитал для ведения деятельности в общих интересах – *commune lucrum*.

Societas приобретало черты современного договора простого товарищества. В связи с этим Ю. Барон, срав-

нивая древнеримское товарищество с корпорацией, обращал внимание на то, что «товарищество не имеет организации, поэтому юридические сделки могут быть предприняемы только единогласно всеми *socii* (товарищами) или поверенным в делах, назначенным всеми товарищами», а также на то, что «товарищи имеют свои доли в общем имуществе, делаются сами должниками и кредиторами по сделкам, заключенным от имени товарищества» [5, с. 83]. Тот же автор указывал, что «в области *societas* не может быть требований и долгов товарищества как такового, а есть только долги и требования отдельных товарищей» [5, с. 218].

Стороны по возникшему из *contractus societas* обязательства защищались с помощью *actio pro socio* (иск, защищающий сторон договора товарищества). При этом трудно установить, когда этот иск вошел в состав преторского эдикта. Расширение Римского государства и развитие торгово-экономического оборота способствовали распространению договора товарищества. При участии в договоре иностранцев правосудие осуществлялось при участии *praetor peregrinus* (претора перегринов) и *contractus societas* уже причислялись к разряду *contractus iuris gentium* (контракт права народов). Возникновение *actio pro socio* часто относят ко второй половине республиканского периода [6, с. 82].

Хотя *actio pro socio* возник в конце республиканского периода, относительно самого *contractus societas* известно, что такие договоры встречались гораздо раньше. Для этого договора долгое время не было судебной защиты, но эта сделка была защищена сакральным правом как заключенная во имя *Fides*. Еще до внесения *actio pro socio* в преторский эдикт, преторы по ходатайству какой-либо стороны договора прибегали к *stipulations cautionales* (стипуляция, содержащая каузу), т.е. стороны в соответствии с правилами стипуляции взаимно обещали друг другу то, что являлось предметом соглашения. Также первоначально каждый участник мог отказаться от договора в любое время и по сути безмотивировочно, по своему усмотрению. Единственное ограничение было связано с *bona fides* (принцип доброй воли), т.е. с принципом добросовестности. Уже впоследствии выработались более строгие правила. Юристы классического периода считали, что тот, кто своим отказом от договора нанес ущерб другим товарищам, должен претерпеть неблагоприятные последствия.

Хотя правоотношение, вытекающее из *contractus societas*, и не признавалось гражданским правом, а значит, и не пользовалось судебной защитой, благодаря стипуляции все же получало судебную защиту и признавалось *contractus iuris civiles* (контракт гражданского права). Таким образом, натуральное обязательство становилось *obligatio civiles* (гражданским обязательством), характерный пример которого содержится в отрывке из Дигестов Публия Альфена Вара, сохранившемся в Дигестах Юстиниана: «Два лица,

вступившие в товарищество, учреждают учебное заведение, определяя, что доход от него будет общим. Сначала они заключают неформальный договор товарищества (*pactum societatis*), но чтобы обеспечить свои обязательства на случай спора, они прибавляют еще формулу стипуляции» [3, с. 57; 4, с. 544].

Итак, в конце республиканского периода в преторском эдикте появляется особый иск для защиты сторон договора товарищества – *actio pro socio*. Товарищество, не являясь обособленной единицей, тем не менее взаимодействовало с другими лицами. На основании *bona fides* один из товарищей вел общие дела.

Теперь необходимо обратиться к вопросу об отличии корпорации как юридического лица (*corporatio*) и товарищества как договорной конструкции. Пандектисты XIX в. отмечали, что по обязательствам товарищества отвечает каждый из участников своим имуществом, в то время как по обязательствам корпорации ее члены не отвечают [7, с. 55].

Но это скорее отражает положения современного для пандектистов германского права. Римские юристы, наоборот, не придавали этому различию существенного значения. В то же время они отмечали, что имущество корпорации отличается от имущества лиц – ее участников. Это и породило в свое время регулирование защиты имущества корпорации [3, с. 53; 4, с. 533].

Цельс отмечал, что за убытки, связанные с общим делом, должны отвечать не отдельные участники товарищества, а все объединение товарищей, так как если бы не было товарищества, то не было бы и убытков. Он также упоминает общую кассу (*arca communis*) [3, с. 52; 4, с. 545].

Кроме того, само дело, ради которого создавалось товарищество, могло потребовать расходов, которые не были предусмотрены при заключении контракта. Вследствие этого могли возникать споры относительно того, кто из участников должен нести эти затраты. Во избежание этого расходы должны были падать на *communis arca*. Юристы позднего классического периода, в т.ч. Юлиан, Павел, Улпиан и Папиниан отделяют общее имущество товарищества (*communis res*) от имущества отдельных товарищей [3, с. 53; 4, с. 553].

Необходимо обратиться также и к вопросу об отношениях, возникающих вследствие заключения сделок с третьими лицами в интересах товарищества. Самая ранняя форма товарищества – *societas omnium bonorum* – предполагала полное слияние имущества участников.

В *societas unius negotiationis* участник, заключивший сделку от имени товарищества с третьим лицом, по отношению к этому третьему лицу являлся единственным контрагентом и также единолично отвечал по обязательствам из такой сделки. Впоследствии этот товарищ посредством *action pro socio* мог требовать вознаграждения от других товарищей.

В *societas unius rei* все товарищи являлись участниками сделки с третьим лицом, а ответственность каждого из них зависела от его доли в общем имуществе товарищества. Таким образом, третье лицо, заключившее договор с товариществом (говоря условно, т.к. самостоятельного субъекта права не было) в случае спора вынужден был предъявлять требования к каждому из товарищей по отдельности *pro parte*, что было крайне неудобно для хозяйственного оборота.

В итоге *contractus societas* постепенно становится таким институтом, который приобретает сходство с *corpus* (общиной) и *collegium* (коллегией). Но общая казна товарищества (*communis arca*) принципиально отличалась от имущества корпорации в том, что не имела самостоятельного представителя (*actor*). В товариществе все члены являлись контрагентами в заключённых договорах и каждый мог быть представителем товарищества.

Уже классические юристы отмечали обособленность имущества *societas unius negotiationis* и отделяли его от имущества отдельных товарищей. Так, Павел писал, что при наличии требований одного из участников к товариществу оно должно быть удовлетворено из общего имущества (*communis arca*) [8, с. 107]. Это же правило будет действовать в отношении любого третьего лица, имеющего требование к товариществу.

Со временем *societas unius negotiationis* преследует цель – не заключение одной конкретной сделки, а участие в постоянном хозяйственном обороте. В связи с этим возникает задача регламентации правоотношений между участниками. При этом учитываются не только денежные вклады, но и труд товарищей. Так, например, товарищество, созданное для строительства доходного дома, нуждалось в привлечении лиц, обладающих специальными знаниями и навыками [3, с. 52; 4, с. 535].

А при распределении прибыли и убытков необходимо было учесть труд, который был произведен для общей пользы. Так, Сервий Сульпиций отмечает возможность неравномерного распределения прибыли и убытков между участниками, в отличие, например, от Квинта Муция, не допускавшего такого. Сервий Сульпиций утверждал, что любой, затраченный для общего дела труд должен иметь денежную оценку для окончательного расчета между товарищами. Кроме того, он отмечает, что внесший в общее дело только труд, в некоторых случаях при ликвидации товарищества может получить только прибыль, но не нести убытки, поскольку при прекращении товарищества на долю такого участника пришлось бы одни убытки. То же самое утверждали такие юристы, как Кассий, Ульпиан и Сабин. Ульпиан при этом отмечает также, что личный трудовой вклад может быть важнее денежного взноса, если, например, он управляет кораблем, когда товарищество снаряжает корабль [3, с. 53; 4, с. 561].

Изначально ответственность за неисполнение договора товарищества исчерпывалась условной карой божества *Fides* (богиня Верности). Цензорский надзор *magisterium morum* впоследствии защищал тех лиц, которые пострадали от других участников, но при условии умышленного нарушения *contractus societas*. Часто в заключаемом договоре товарищи устанавливали, что будут воздерживаться от *fraus* (обман) и *dolus malus* (злой умысел). Если речь при этом шла о таком товариществе, которое создавалось ради заключения одной сделки, другая гарантия не требовалась. Павел писал, что ответственность будет наступать только при наличии *dolus*. С этим же были согласны другие юристы, например, Юлиан [3, с. 59; 4, с. 567].

Такой взгляд еще долго сохранялся и после появления *actio pro socio*. Но со временем все-таки возобладало мнение, что ответственность будет возникать и в других случаях. В Кодификации Юстиниана мы уже видим, что и неосторожность, и небрежность будут иметь своим следствием возмещение убытков.

Гай указывает, что участники товарищества будут отвечать при небрежности – *neglegentia*, неосторожности – *culpa* и нерадивости – *decidia*. Со временем к вопросу об ответственности участника стали подходить с позиции того, что от товарища требовались те добрая воля и усердие, с которыми он ведет собственные дела. Так, как он ведет свое хозяйство, так он и должен отнестись к делу товарищества. Главное, что требовалось от участника договора, – это добрая воля.

Относительно прекращения товарищества юристы классического периода указывают следующие обстоятельства:

- отказ участника (*renuntiatio*);
- гибель объекта товарищества;
- банкротство или смерть участника;
- предъявление *actio pro socio*, который всегда вел к прекращению товарищества.

Изначально отказ от договора (*renuntiatio*) был возможен в любое время и по своему усмотрению. В то же время те же юристы-классики отмечают, что в основе такого выхода не должен лежать корыстный умысел. Вообще сами по себе причины не важны, достаточно того, что участник считает общее дело нежелательным для себя. Но все это касается *societas unius negotii*, которое создается ради заключения одной сделки. В *societas unius negotiationis* такая свобода выхода из договора необоснована при многообразии дел товарищества или многочисленности участников.

Лабеев и Прокул отмечают, что произвольный отказ от договора может причинить значительные убытки и поэтому другие участники вправе требовать возмещения убытков путем предъявления *actio pro socio* [3, с. 56; 4, с. 557].

В то время как сабинианцы не допускают произвольного выхода из товарищества ни при каких обстоятельствах и такой выход, по их мнению, должен

повлечь в любом случае ответственность, юристы более позднего времени считают виновным только того участника, который вышел из товарищества намеренно, с корыстным умыслом (*dolo*) извлечь для себя какую-либо выгоду.

Предъявление иска *actio pro socio* влекло прекращение договора, но поздние юристы, например, Павел, уже допускают, что при предъявлении иска *actio pro socio* возможно и сохранение товарищества [3, с. 51; 4, с. 547].

Изначально существенное значение в договоре товарищества имела личность участника, и в течение длительного времени смерть одного из товарищей влекла прекращение товарищества. Лабейон первым заговорил о том, что это правило не должно всегда применяться, в частности, к *socio unius rei* [3, с. 53; 4, с. 544]. Тем не менее в Институциях Юстиниана все-таки действует старое правило [9, с. 153]. И хотя личность контрагента в какой-то мере всегда имеет значение, все-таки именно для договора товарищества это особенно важно. Сабин при этом считает, что хотя наследник товарища участником договора не является, он принимает все права и обязанности наследодателя и также должен нести ответственность, вытекающую из договора [3, с. 55; 4, с. 611].

Исходя из вышеизложенного, мы делаем вывод, что в римском частном праве к моменту кодификации Юстиниана практически полностью сложился институт договора товарищества (*contractus societas*), достаточно подробно урегулированный по самым разнообразным аспектам.

Литература:

1. Покровский И.А. История римского права. СПб.: Летний сад, 1998. 555 с.
2. Дождев Д.Р. Римское частное право. М.: Норма, 2015. 784 с.
3. Кодекс Юстиниана = Codex Iustinianus: Пер. с лат. / Отв. ред. А.В. Копылов; [пер. с лат. А.В. Щеголева; фил. ред. А.И. Солопов]; Мос. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, юрид. фак., НОЦ «Римское частное право». М.: Статут, 2021. 372 с.
4. Дигесты Юстиниана / Пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. III. М.: Статут, 2003. 780 с.
5. Барон Ю. Система римского гражданского права. Выпуск первый. Книга I. Общая часть. / Пер. и предисл. Л. Петражицкого. СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих (влад. А.Э. Коллинс), 1909. 250 с.
6. Соколовский П.Е. Договор товарищества по римскому гражданскому праву. Киев: Типография императорского университета св. Владимира, 1893. 304 с.
7. Wendt O. Lehrbuch der Pandekten. Jena, 1888. 922 p.
8. Юлий Павел. Пять книг сентенций к сыну. Фрагменты Домиция Ульпиана / Пер. с лат. Л.М. Штаерман; отв. ред. и сост. Л.Л. Кофанов. М.: Зерцало, 1998. 285 с.
9. Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М.: Зерцало, 1997. 608 с.

The Institute of Partnership in Roman Private Law

Kobchikova E.V., Makarov T.G.
Kazan (Volga Region) Federal University

Provisions on obligations and contracts are such institutions of Roman private law that have particularly strongly influenced modern civil law. In this article examine in detail the origin and development of the institution of contractus societas, i.e. a partnership agreement. This agreement is also present in modern Russian civil legislation. In this regard, the study of the institution of a partnership agreement in Roman private law seems relevant.

The purpose of this study is to form a comprehensive scientific understanding of the origin and development of the institution of contractus societas, i.e. a partnership agreement, in Roman private law. The objective of the study is to consider various varieties of the institution of contractus societas, such as societas unius rei, in which the property of the participants was strictly separate and common ownership did not arise, as well as contractus societas negotiationis, in which the property became the common property of the partners from the moment of its acquisition. The scientific significance of the study lies in identifying the main characteristics of the institution of the partnership agreement, which was regulated in detail in a variety of aspects by the time of Justinian's codification.

The practical significance of the study lies in the possibility of using its results in studying Roman private law. The scientific novelty of the study lies in the comprehensive scientific understanding of the origin and development of the institution of the partnership agreement formed by the authors.

Keywords: partnership agreement, Roman private law, Justinian's codification, property of partners, common property